

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 9
Выпуск 2

2015
Июнь

ФИЛОЛОГИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ЖУРНАЛИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Васильева Э. В.</i> Готические конвенции и воспитательная интенция в «Рассказе старой няньки» Э. Гаскелл	4
<i>Горошкова Р. Р.</i> Память и чувства в рождественских повестях Ч. Диккенса 1840-х годов	11
<i>Климовская А. Я.</i> Гендерный аспект романов А. Брукнер «Родные и друзья» и «Заповздавшие»	18
<i>Куранда Е. Л.</i> «Король Лир» в переводе Михаила Кузмина и Анны Радловой	28
<i>Придорогина Е. А.</i> Миф о женщине в дилогии Франка Ведекинда «Лулу»	38

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бацуева В. С.</i> Категоризация здорового образа жизни средствами фразеологии: аксиологический аспект	48
<i>Боднарук Е. В.</i> Классификация речевых актов с футуральной семантикой (на материале немецкого языка)	62
<i>Бузальская Е. В.</i> Функции концепта в современном эссе	76
<i>Генералова Е. В.</i> Лексико-семантические характеристики разговорного русского языка XVI–XVII вв.	85
<i>Горбов А. А.</i> Механизм семантического калькирования и его роль в восполнении дефектных парадигм числа абстрактных существительных в современном русском языке	96
<i>Емельянова О. В.</i> Об одной модели выражения ценностных представлений в современном английском языке (<i>Life is about people</i>)	105

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2015

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2015

<i>Куницына О. А.</i> Из опыта текстологического анализа представления катастрофы в новостном дискурсе (на материале газетных сообщений, освещающих тайфун Хайян).....	113
<i>Минченков А. Г., Горелова А. А.</i> Концепт DISRESPECT и возможности его изучения.....	122
<i>Нифонтова Д. Е.</i> Техники ориентации ранненововерхненемецкой драмы на рецептивные возможности ее зрителя (читателя).....	130
<i>Новожилова К. Р.</i> Лингвопрагматическая характеристика диалогичности в частной переписке И. В. Гёте.....	136
<i>Руднев Д. В.</i> История возвратных связочных глаголов со значением возникновения.....	144
<i>Соболева Н. П.</i> Влияние особенностей контекста на окказиональное использование фразеологических единиц в рекламных слоганах к фильмам.....	155
<i>Федорова М. А.</i> Орфография Мстиславова евангелия и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода.....	164
<i>Шарихина М. Г.</i> Однородные сказуемые в языке переводного Метафрастова Жития Николая Мирликийского (на материале русских списков XV–XVI вв.).....	177
<i>Смирнова Н. В., Щемелева И. Ю.</i> Роль письма в современном университете: анализ зарубежной практики обучения академическому письму.....	185

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Жилякова Н. В.</i> «Коммерческая пресса» дореволюционного Томска: рекламно-информационные газеты на рынке провинциальной периодики начала XX в.	198
<i>Олейников С. В.</i> Миротворческий потенциал и язык конфликта современной журналистики	208

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».

Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-46846
от 30 сентября 2011 г. (Роскомнадзор)

Ответственный редактор Вестника СПбГУ
канд. биол. наук *Н. А. Гуляева*

Редактор *М. П. Соболева*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать ответственным редактором серии 15.06.2015.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 165 экз. Заказ № 000

Адрес Издательства: 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел./факс 328-44-22

Е. В. Боднарук

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ С ФУТУРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Российская Федерация, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17

В статье производится систематизация и классификация речевых актов, соотносящихся с областью футуральности; дается характеристика типов проспективно-ориентированных речевых актов, выявляются основные языковые средства, участвующие в их оформлении в немецком языке. В основу классификации положено деление речевых актов на информирующие, побудительные, модально-оценочные, контактивные и метакommunikативные. Данные виды РА пересмотрены с учетом временной локализации, степени контролируемости действия, а также роли говорящего и слушающего в его совершении. Применение названных критериев позволило разработать таксономию, насчитывающую 37 проспективно-ориентированных речевых актов информирующего, побудительного и модально-оценочного характера. Контактные и метакommunikативные речевые акты демонстрируют определенную размытость темпоральной семантики, образуя периферийную зону классификации. Рассмотрению подвергаются также речевые акты вопросов о будущем. Библиогр. 45 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: речевой акт, футуральность, немецкий язык, классификация.

CLASSIFICATION OF SPEECH ACTS WITH FUTURE SEMANTICS (IN THE GERMAN LANGUAGE)

E. V. Bodnaruk

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Institute of Philology and Cross-Cultural Communication, 17, Nab. Severnoi Dvini, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

The article is an attempt to systemize and classify speech acts that have to do with the future field; it also characterizes the types of prospective-oriented speech-acts and shows the main linguistic means of their formation in the German language. The classification is based on the division of speech acts on informing, incentive, modal-evaluative, contactive and metacommunicative ones. These types of the speech acts are re-analyzed by taking into account their time localization, degree of the actions' controllability, as well as the roles of the speaker and the receiver in its realization. Application of said criteria has allowed to develop the taxonomy with 37 prospective-focused speech acts of informing, incentive and modal-evaluative character. Contactive and metacommunicative speech acts show certain diffusiveness of temporal semantics, forming a peripheral zone of classification. Speech acts of future questions are also looked into. Refs 45. Table 1.

Keywords: speech act, future, German language, classification.

Теория речевых актов (ТРА), представляющая собой ядро прагматики, уже давно находится в фокусе внимания лингвистов. Известно, что в самом общем виде прагматика изучает функционирование языковых знаков в речи. При этом особое внимание уделяется исследованию отношения к этим знакам субъектов речи и влиянию данных знаков на адресатов речи.

Центральным объектом изучения в ТРА является речевой акт (РА), под которым понимается целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [1, с. 412]. Соотнесенность нашей речи с действиями доказывает тот факт, что определенного рода высказывания влекут за собой вполне реальное наказание. Так, в юриспруденции РА «оскорбление» является таким же действием как, к примеру, битье витрин [2, с. 84].

Дж. Серль, определяя структуру РА, исходит в первую очередь из двух параметров высказывания, а именно — из разграничения иллокутивной силы высказывания и его пропозиционального содержания (формируемого актами референции и предикации). Данное разграничение может быть представлено в виде формулы $F(p)$, где F — показатель иллокутивной функции, а p — пропозициональный показатель [3, с. 171–172].

Пропозициональный показатель, охватывающий семантическое ядро высказывания, является обязательным структурным элементом РА¹. Показатель же иллокутивной функции, как эксплицитный выразитель коммуникативного намерения субъекта речи, может отсутствовать, поскольку в речевой ситуации иллокутивную функцию высказывания обычно проясняет контекст. Вместе с тем наличие иллокутивной функции характерно для любого РА, а ее приоритетность при анализе РА отражает тот факт, что в лингвистической литературе термины «речевой акт» и «иллокутивный акт» используются фактически как синонимы. Основным показателем иллокутивной функции является так называемый иллокутивный глагол, поскольку именно он обычно однозначно определяет принадлежность высказывания к тому или иному РА. К. Элих указывает на наличие в немецком языке по меньшей мере восьми тысяч обозначающих речевое действие глаголов, половина из которых может рассматриваться как «иллокутивные глаголы в узком смысле» [6, с. 218–219]. Иллокутивная функция может реализоваться и при помощи некоторых лексических единиц неглагольного типа — например, модальных слов (*vermutlich, sicher* и др.). Ср.:

Ich vermutete, dass Fritz einkauft — Fritz kauft vermutlich ein ‘Я предполагаю, что Фриц совершает покупки — Фриц, предположительно, совершает покупки’ [7, с. 213].

К показателям иллокутивной функции — так называемым иллокутивным индикаторам — с большим или меньшим основанием могут быть отнесены также порядок слов, ударение, интонационный контур, пунктуация, наклонение глагола [8, с. 156–157], некоторые частицы (*bitte, mal, ja* и др.) [9, с. 218; 10, с. 250]. Реже к ним относят модальные глаголы [11, с. 275] и даже конструкцию «*werden*+инфинитив» [12, с. 419]². Однако в отличие от иллокутивных глаголов перечисленные равноуровневые средства без поддержки контекста в большинстве случаев не могут с точностью указать на конкретный РА.

Употребляя иллокутивный глагол перформативно, т.е. выполняя то речевое действие, которое предусмотрено семантикой глагола, говорящий выражает свои прагматические интенции эксплицитно, фокусируя на них внимание адресата. Ср. РА обещание:

Ich verspreche dir, dass ich dir morgen helfen werde ‘Я обещаю (тебе), что помогу тебе завтра’.

¹ Речевые акты без пропозиционального компонента весьма редки; это могут быть высказывания, содержащие восклицания, типа *Hurra!* «Ура», *Au!* «Ау». Некоторые исследователи относят к такому РА и речевые клише типа *Hallo!* «Привет!», *Tschüs!* «Пока!» [4, с. 192; 5, с. 85].

² В качестве универсальных показателей иллокутивной функции называются, в частности, коммуникативные типы предложения (повествовательный, вопросительный и побудительный). В немецком языке, как и во многих других, каждый тип характеризуется определенным порядком слов [13, с. 65].

Высказывания с перформативом являются прагматически маркированными, при этом они в полной мере иллюстрируют формулу $F(p)$ ³. Однако чаще прагматические цели не объявляются говорящим прямо, а присутствуют имплицитно, проясняясь в ситуации общения (*Ich werde dir morgen helfen* 'Я помогу тебе завтра'), тем более что не для каждого РА в силу определенных обстоятельств имеется соответствующий перформативный глагол⁴. Высказывания второго типа рассматриваются в литературе по прагматике как «имплицитно перформативные высказывания» или как «первичные перформативные высказывания», поскольку они начали использоваться в речи раньше «эксплицитно перформативных высказываний» [11, с. 269].

Практически любое актуализированное в речи предложение можно рассматривать как РА определенного типа. Вместе с тем РА не обязательно должен совпадать по своему объему с предложением: в определенных случаях он может быть крупнее или меньше предложения [16, с. 226].

Встречаются ситуации, когда одно высказывание имеет несколько адресатов и представляет собой в связи с этим разные РА. Например, когда двое (например, Ганс и Гюнтер) ссорятся, а третье лицо (Роберт) решает вмешаться и говорит Гансу: *Ich werde dich gegen Günter beschützen* 'Я буду защищать тебя от Гюнтера' — его высказывание можно трактовать как обещание, адресованное Гансу, и одновременно как предупреждение или угрозу, адресованные Гюнтеру [10, с. 264]. Подобные случаи в реальной речевой ситуации не являются редкостью, поскольку в общении часто участвует несколько человек одновременно.

Большинство РА предназначено адресату (или адресатам) речи, вместе с тем в редких случаях РА связан только с говорящим. Это происходит, например, в ситуации спонтанной реакции субъекта речи на какое-то действие или событие. Такие реакции, как правило, не рассчитаны на слушателей [17, с. 36].

Сегодня в теоретической литературе представлено значительное количество таксономий РА, в основе которых лежат разные классификационные признаки. Отсутствие единого подхода при выявлении РА и их систематизации является следствием неоднозначности и многогранности феномена речевого акта. В исследовательской практике это проявляется в возникновении сложностей при сегментации потока речи на РА. Однозначная идентификация РА-принадлежности высказывания порой оказывается затруднительной или совсем невозможной, в результате чего приходится говорить о соединении нескольких РА в составе высказывания или о смешанном характере РА.

³ Иллокутивные глаголы задают определенную установку в отношении пропозиции (поэтому они в современной лингвистической теории называются глаголами пропозициональной установки). Пропозиция в этом смысле должна рассматриваться как семантический актанта или аргумент иллокутивных глаголов [14, с. 232], она ставится в зависимую позицию как целевое содержание интенции [15, с. 739].

⁴ Примечательно также, что некоторые перформативные глаголы могут в зависимости от ситуации представлять разные РА. Ср.: *Ich rate dir, mit der Bahn zu fahren* 'Я **советую** тебе ехать на поезде' (совет), но: *Ich rate dir, zu verschwinden* 'Я **советую** тебе исчезнуть' (угроза) [10, с. 249]. РА угрозы, для которого нет специального перформативного глагола (*drohen* 'угрожать' является иллокутивным глаголом, но он не может употребляться перформативно), часто реализуется за счет глаголов, обслуживающих другие РА. Например: *Ich warne Sie, Ihren Hund noch einmal in meinem Hof freilaufen zu lassen. Sonst werde ich ihn erschießen* 'Я **предостерегаю** Вас. Больше не позволяйте Вашей собаке одной бегать по моему двору. Иначе я ее застрелю' [17, с. 59].

В задачи нашего исследования входит разработка классификации речевых актов, имеющих непосредственное отношение к сфере футуральности. Футуральность рассматривается нами как особая понятийная категория. Как субкатегория она входит в состав более сложной категории темпоральности. Категория футуральности объединяет языковые единицы, относящиеся к одной семантической зоне, но демонстрирующие различия в стратификационной природе. Данная категория, имеющая функционально-семантический характер (ФСК)⁵, объединяет средства лексического, грамматического и смешанного, лексико-грамматического, характера. Принято считать, что центральную зону категории темпоральности образуют средства грамматического уровня — временные формы глагола [18, с. 27; 19, с. 66]. Это положение справедливо и в отношении футуральности как субкатегории темпоральности.

Футуральность, или будущее время, отличается от настоящего и прошедшего времени как онтологически, так и эпистемиологически. В строгом смысле слова будущее — это то, чего еще нет, или, другими словами, это то, чему еще только предстоит обрести существование. Поэтому, в отличие от двух других отрезков времени, будущее может быть достигнуто лишь «умозаключительным, а не опытным путем» [20, с. 23]. Известно, что формы будущего времени часто имеют незатемненную этимологию, являясь более поздними образованиями, чем формы настоящего и прошедшего времени [21, с. 158; 22, с. 20]. Появление форм будущего времени принято связывать с эволюцией человеческого мышления, поскольку категория будущего времени в эпистемиологическом плане представляется более абстрактной в сравнении с осязаемым и эмпирически доступным прошедшим и настоящим [23, с. 13]. М. К. Сабанеева пишет о формах будущего времени следующее: «Своеобразие футурума состоит в том, что данная форма фиксирует в языке мыслительный процесс опережающего отражения. Форма футурума, представляя не существующий в языке процесс в качестве факта будущего, отражает сложнейшую интерпретативную работу мысли» [24, с. 51].

Пожалуй, наиболее существенным отличием форм будущего времени от форм настоящего и прошедшего времени является степень реальности выражаемого ими действия/события. Отмечается, к примеру, что в человеческом восприятии будущее время представляется менее реальным и менее определенным по сравнению с прошедшим и настоящим [26, с. 67]. В. А. Плунгян полагает, что будущее время по своему статусу оказывается «очень близко от семантической зоны ирреальности» [27, с. 361]. Е. Курилович в свое время даже считал будущее время наклоном [28, с. 143]. В значительной степени дискуссионность статуса категории будущего времени определяется диффузностью понятия «реальность». Строго говоря, только реальность в широком смысле слова включает и будущее время [29, с. 72]. При узком понимании реальность противопоставляется как тому, что отсутствует в действительном мире, но принципиально достижимо (т. е. будущему), так и тому, что не реализовалось и уже невозможно [30, с. 210]. Поскольку будущее время представляет собой «нечто возможное», Ю. П. Князев относит его к зоне так называемой позитивной ирреальности [31, с. 114, 146].

⁵ Теория функционально-семантических категорий и полей детально разработана в трудах А. В. Бондарко [19; 25 и др.].

Вместе с тем традиционно формы будущего времени относятся к изъявительно-му наклонению (индикативу), указывающему «на соответствие между содержанием высказываемого и действительностью» [32, с. 248]. Для того чтобы в какой-то мере «оправдать» вхождение футуральных форм в сферу действия индикатива, Г. Г. Сильницкий, например, выделяет три семантические разновидности индикатива по способу имплицитного «когнитивного обоснования»: «дефинитивную», «виртуальную» и «контрфактическую». Формы будущего относятся в этом случае к виртуальной семантической разновидности [33, с. 94–100].

Сложность категориального статуса будущего времени обуславливается в том числе наличием в его семантике модального компонента. Вопросу о том, в какой степени и всегда ли формы будущего времени имеют модальные значения, посвящено значительное количество работ [34; 35 и мн. др.]. Но однозначный ответ на эти вопросы до сих пор не дан, да и едва ли возможен. Вместе с тем неоднозначность в толковании футуральности коррелирует с широким спектром средств, участвующих в актуализации данной категории в речи. Это не только грамматические формы времени, но и модальные глаголы, формы инфинитива, императива и некоторые другие средства [36]. Обращает на себя внимание и многообразие РА, в которых представлена футуральная перспектива. Специальных исследований, посвященных изучению РА с футуральной семантикой, нами обнаружено не было. В лингвистической литературе имеется лишь ряд работ, в которых рассматривается РА-принадлежность немецкой формы футура I.

Среди них особый интерес представляет версия немецкого исследователя В. Вольфа. В качестве критериев, релевантных для различения РА, он использует такие как: отнесенность к говорящему (Spr), слушающемуся (Ang) или обсуждаемому объекту / третьему лицу (Besp), информированность говорящего (Info), авторитетность говорящего (Aut), зависимость от воли говорящего (Vwi) [37, с. 74]. Определенную роль при идентификации РА с футуральной семантикой играют также такие факторы, как инициальная/реактивная позиция РА (init), наличие проблемной ситуации (problem), наличие/отсутствие модальных слов (Amod).

В результате разного рода комбинаций названных критериев выявляются основные типы РА с футуральной семантикой, выражаемые футуром I ([Futur]Z). Это **намерение** (Kundgabe), **обещание** (Versprechen), **требование** (Aufforderung) и **предсказание** (Vorhersage):

- 1) ([Futur]Z, [Spr], [+Vwi]) → [Kundgabe, Versprechen]
- 2) ([Futur]Z, [Ang], [+Vwi], [-init], [+problem]) → [Aufforderung]
- 3) ([Futur]Z, [Besp]) → [Vorhersage] // ([Futur]Z, [Ang], [+/-Vwi], [+/-init], [-problem]) → [Vorhersage] // ([Futur]Z, [Spr], [-Vwi]) → [Vorhersage].

В случае наличия в высказываниях первого и третьего типов модальных слов [+Amod] они приобретают статус **предположений о будущем** — [Vermutung]Z [37, с. 76]. При наличии в третьем типе высказываний фактора [+Info], указывающего на информированность говорящего о предстоящем событии (например, в случае знания плана, программы), высказывания приобретают статус **провозглашений** — [Ankündigung von Künftigem] с очень высокой степенью вероятности осуществления события [37, с. 74]. Концепция В. Вольфа отличается стройностью, логичностью и учитывает достаточно большое количество факторов, способствующих диффе-

ренциации РА. Вместе с тем круг РА, выявляемый при помощи названных критериев, оказывается весьма ограниченным.

М. Смолинска, также изучавшая прагматический потенциал футура I, относит высказывания с данной формой к трем РА: комиссивным, директивным и репрезентативным с опорой на классификацию Дж. Серля [12, с. 415]⁶. Примечательно, впрочем, что комиссивы и директивы, имеющие общую футуральную основу, не рассматриваются некоторыми исследователями как самостоятельные типы РА, а объединяются в один тип [13, с. 64; 38, с. 168–169]⁷.

К анализу прагматических функций формы футура I обращается в своей работе и М. Бюндген. Он перечисляет следующие иллокутивные функции футура I, не подвергая их вместе с тем какой-либо дальнейшей систематизации: **выражение намерения, провозглашение будущего действия, приказ, угроза, утверждение, предположение, заверение, обещание, предсказание, предупреждение, отказ** [39, с. 67–70].

Ограниченность вышеупомянутых исследований формой футура I дает лишь фрагментарное представление о РА-принадлежности высказываний о будущем. Несмотря на то, что немецкий футур I представляет собой, пожалуй, единственное грамматическое средство, основным значением которого является выражение футуральности, данная форма не характеризуется высокой частотностью в современной речи. Так, в прямой речи персонажей художественного произведения, а также в публицистике она часто уступает в этом показателе форме футурального презенса [40, с. 83–84, 36, с. 27]. Высокую частотность в футуральных контекстах наряду с презенсом имеют также и модальные глаголы. Следует отметить, что привлечение для анализа большего количества средств выражения будущего времени в значительной степени расширяет спектр РА с соответствующей семантикой.

Разрабатывая классификацию РА с футуральной перспективой, мы подвергли анализу прямую речь персонажей художественного произведения⁸, а также использовали данные словарных дефиниций в лексикографических источниках и характеристику отдельных РА, представленных в теоретической литературе, в том числе и в классификации В. Вольфа.

В основу нашей классификации положено деление всех РА на **информирующие, побудительные, модально-оценочные, контактивные и метакоммуникативные**, представленное в работе М. Д. Городниковой, Д. О. Добровольского [42]. Полагаем, что такое деление речевых действий в наибольшей степени соотносится с разнообразием и основными функциями футурально ориентированных РА.

Данные основные виды РА были далее пересмотрены с учетом временной локализации действия, а также роли говорящего (Г) и слушающего (С) в его совершении. Три типа функций РА — информирующая, побудительная и модально-оценочная —

⁶ Репрезентативные РА с футуром представляют собой, согласно М. Смолинска, прежде всего высказывания атемпорального характера типа: *Der Gerechte wird seines Glaubens leben* 'Праведник верой своей жив будет' [12, с. 422–423].

⁷ Так, И. Розенгрэн объединяет комиссивные и директивные РА в одну группу на основании их интерактивного характера, а также исходя из общих критериев, необходимых для их выявления, таких как «желание» (Wunsch), «наличие решения» (Entscheidung) и «совершение действия» (Handlung) [38, с. 168–169].

⁸ В качестве материала для практического исследования был выбран роман известного немецкого прозаика К. Хайна [41].

отражены в таблице, поскольку они являются базовыми как для коммуникации вообще, так и для проспективно-ориентированной коммуникации в частности.

Жесткая дифференциация РА по функциям является довольно условной. Речь, по сути, идет о выделении главных функций РА в каждом случае. Три названные функции распределены между пятью типами РА, каждый из которых имеет свои семантико-прагматические особенности. В таблице представлены не все РА, соотносимые с областью футуральности. Вне рассмотрения, ввиду своей специфичности и редкого использования, остались такие РА, как **обет, зарок, завет, пророчество, присяга, заклинание, проклятье** и некоторые другие.

Таблица. Речевые акты с футуральной семантикой

I тип РА	II тип РА	III тип РА				IV тип РА	V тип РА
Информирующие РА		Побудительные РА				Модально-оценочные РА	
Г провозглашает действие / сообщает о будущем действии	Г обязуется исполнить / не исполнять действие	Г оказывает воздействие на С, побуждая его к совершению действия				Г оценивает будущее с точки зрения его возможности (эпистемическая оценка)	Г рассматривает будущее как объект желаний (аксиологическая оценка)
		С обязан исполнить волю Г	С не обязан исполнять волю Г		Г не принимает участия в выполнении действия		
			Г — сам участник действия				
		Исполнение действия в интересах:					
		Г	Г и С	Г	С		
намерение	обещание	команда	приглашение	просьба	совет	предсказание	выражение желаний
провозглашение запланированного действия	клятва	приказ	предложение	мольба	наставление	убеждение	пожелание
	согласие	запрет	заговор	призыв	указание	предположение	мечтание
	отказ	требование		уговоры	предупреждение	надежда	
		поручение		угроза	разрешение	опасение	
				подначивание	подбадривание	сомнение	
					утешение	размышление о будущем	

Дадим общую характеристику каждого типа РА. В РА первого типа роль говорящего заключается в провозглашении некоторого действия. Речь идет как о выражении намерения, так и о сообщении о будущем действии (своем или третьих лиц), являющемся частью плана, программы или расписания⁹. Такие действия условно можно обозначить как контролируемые говорящим.

⁹ К этому же типу мы относим сообщения о будущем событии, обусловленном календарной системой (напр.: *Morgen ist Freitag* 'Завтра пятница'; *Am Montag beginnt der Dezember* 'В понедельник начнется декабрь'). С одной стороны, такие события нельзя квалифицировать как контролируемые говорящим, так как они не зависят от его воли. С другой стороны, высказывания такого рода можно

В РА второго типа говорящий берет на себя обязательство по осуществлению/неосуществлению некоторого будущего действия, выступает как агенс. Он демонстрирует наличие волеизъявления и намерения совершить действие (обычно в пользу слушающего). Слушающий является, таким образом, свидетелем обязательства говорящего, он также выступает бенефициентом будущего действия (исключением может являться РА отказа). Действие в этом случае следует рассматривать либо как контролируемое, либо как частично контролируемое говорящим¹⁰.

В РА третьего типа говорящий в большинстве случаев не планирует сам исполнять действие. Он демонстрирует свою волю, с целью оказать воздействие на слушающего и побудить его к определенным действиям. Говорящий должен вызвать у слушающего готовность совершить некое контролируемое / частично контролируемое действие. Примечательно, что бенефициентом при этом может быть не только говорящий, но и слушающий (или оба).

В РА четвертого типа действия/события являются неконтролируемыми, поскольку их выполнение не зависит от воли говорящего. Говорящий выражает лишь свое мнение о том, какова вероятность совершения того или иного действия/события в будущем. Он оценивает действие/событие по шкале вероятности его осуществления и затем информирует слушающего о результатах оценивания.

В РА пятого типа говорящий рассматривает будущее действие/событие как объект своего желания. Озвучивая желание, говорящий, однако, не демонстрирует намерения его осуществить¹¹. Вместе с тем существует вероятность, что желаемое осуществится. И это обстоятельство сближает пятый тип РА с четвертым. В обоих случаях говорящий оценивает будущее действие. Однако оценка в ситуации желания имеет не столько рациональный, сколько эмоциональный характер. Желаемое оценивается говорящим обычно положительно. Оцениваться могут не только контролируемые, но и неконтролируемые, и даже в реальности невозможные действия [43, с. 179]. Несмотря на то, что говорящий при выражении желания хочет, чтобы оно исполнилось, он не прилагает к этому никаких усилий, поскольку осуществление желания либо не зависит от его воли и/или воли слушающего, либо желание еще не трансформировалось во что-то большее.

При наличии такой трансформации речь будет идти уже не о пятом, а о втором или третьем типе РА, поскольку компонент «желание» входит или может входить в прагматическую структуру данных типов РА. Так, в случае с контролируемыми действиями желание в перспективе может переходить в намерение. За намерением же вполне может последовать совершение действия (желание → намерение → (действие)) — II тип РА. Наличие у говорящего желания может привести и к побуждению другого лица к совершению действия (желание → побуждение к действию → (действие)) — III тип РА.

в определенном смысле считать верифицируемыми уже в момент речи, поскольку представленные в них события наступят в любом случае и именно в тот момент времени, о котором идет речь, так как они являются частью календарной системы.

¹⁰ Контролируемыми являются действия, зависимые от воли говорящего. Частично контролируемые действия также зависят от воли, но происходят они не всегда, когда на то есть воля говорящего [43, с. 158, 162].

¹¹ Известно, что именно намерение ведет к совершению действия, а не желание как таковое [44, с. 101].

Социальный статус участников играет роль только в третьем типе РА и только тогда, когда слушающий обязан исполнить волю говорящего. В этом случае социальный статус говорящего обычно выше социального статуса слушающего. В остальных случаях говорящий и слушающий могут иметь равный социальный статус либо социальный статус слушающего может быть выше социального статуса говорящего.

Большинство РА, соотносимых с областью футуральности, могут быть как начальными (стимулирующими), так и реагирующими репликами в рамках диалогического единства. Лишь незначительная часть РА является главным образом реагирующими репликами (**согласие, отказ, разрешение**).

Существует определенная зависимость использования в каждом типе РА категории лица. Так, РА второго и пятого типа чаще всего имеют в качестве подлежащего местоимение 1 л., третьего типа — местоимение 2 л.; в РА четвертого типа подлежащим обычно является существительное или местоимение 3 л.; в РА первого типа встречается подлежащее как в 3 л., так и в 1 л.

Следует отметить крайне редкое использование перформативных глаголов в подвергнутых анализу РА¹². В связи с этим в подавляющем большинстве случаев определение РА-принадлежности высказывания осуществляется исходя из ситуации общения, а также благодаря анализу функционально-семантических характеристик языковых средств, формирующих пропозицию.

В оформлении речевых актов, соотносящихся с областью будущего, главную роль играют грамматические и лексико-грамматические средства, имеющие абсолютное временное употребление. В подвергнутом анализу произведении К. Хайна ими оказались в первую очередь футур I, футуральный презенс и модальные глаголы в сочетании с инфинитивом. Реже в этой функции использовались императив, инфинитив, кондиционалис I и претерит конъюнктива. При этом футур I, футуральный презенс и модальные глаголы тяготели к употреблению в первом, втором, третьем и четвертом типах РА; императив и инфинитив — в третьем типе, кондиционалис I и претерит конъюнктива — в третьем, четвертом и пятом типах.

Обращает на себя внимание корреляция императива и инфинитива лишь с одним, пусть и самым многочисленным, типом директивных РА. Это обстоятельство позволяет считать данные языковые средства иллокутивными индикаторами директивных РА. Участие остальных средств в оформлении не одного, а нескольких РА лишает их статуса иллокутивных индикаторов, но указывает на их чрезвычайно широкий прагматический потенциал.

Приведем примеры употребления названных глагольных средств в наиболее типичных для них РА.

Футуральный презенс: „...*Wenn es Brandstiftung war, dann, Herr Haber, **bekommen wir es raus, uns entgeht nichts, wir kriegen jeden Banditen am Wickel, und Sie bekommen jeden Pfennig ersetzt...***“ — «...Если это был поджог, тогда, г-н Хабер, мы это **выясним**,

¹² На редкое использование в речи перформативных глаголов обращает внимание Г. Хинделанг, отмечая, что эксплицитно перформативные высказывания употребляются обычно в проблемных ситуациях [5, с.31] с целью подчеркнуть интенцию, убедить в ней собеседника. Ср.: *Ich bring dir morgen deine Bohrmaschine zurück. — Und wer dann morgen wieder nicht kommt, das bist du. — Ich verspreche dir, dass du sie morgen ganz bestimmt wieder hast* ‘Я принесу тебе завтра дрель. — Кто завтра опять не придет, так это ты. — Я обещаю тебе, что завтра она (дрель) точно будет у тебя’.

от нас ничто **не ускользнет**, мы **схватим** бандита за шиворот, и Вам **будет возмещен** каждый пфенниг» [41, с. 44] (обещание).

Футур I: „*Und wer ist es?*“ — „*Keine Ahnung. Wenn ich etwas höre, werde ich es dich wissen lassen. <...> Und wer immer es war, irgendwann **wird** er irgendwo darüber **plaudern, wird** damit **prahlen**. Er **wird sich** dir selber auf einem silbernen Tablett **präsentieren**. <...> Da es ihm missglückte, **wird** der Bandit es bald ein zweites Mal **versuchen***“ — «И кто это?» — «Без понятия. Если я что-нибудь услышу, то дам тебе знать. <...> Кто бы это ни был, когда-нибудь, где-нибудь он об этом **проболтается, будет** этим **хвалиться**. Он сам себя **преподнесет** тебе на серебряном подносе. <...> Поскольку первая попытка не удалась, бандит скоро **попытается совершить** вторую» [41, с. 338] (предсказание).

Модальные глаголы: „*Was hast du denn?*“ — „*Na, komm schon. Ich **will** dich allein **sprechen***“ — «Чего тебе?» — «Ну, подойди уже. Я **хочу поговорить** с тобой один на один» [41, с. 142] (намерение).

Императив и инфинитив: „*Tu, was du nicht lassen kannst. Das machst du ja sowieso. Und **grüß** Sylvie von mir. **Nicht vergessen, Bernhard***“ — «Делай, что считаешь нужным. Ты ведь все равно это сделаешь. И **передай** от меня привет Сильвии. (Попробуй) **не забыть**, Бернارد» [41, с. 144] (просьба).

Кондиционалис I: „*Ich glaube, kegeln **würde** mir **gefallen**. Frag sie... ob sie mich **aufnehmen***“ — «Думаю, что игра в кегли мне **понравится**. Спроси их... примут ли они меня» [41, с. 332] (предположение).

Претерит конъюнктива: „*Wunderbar. Ich **könnte** sofort wieder mit Ihnen **aufsteigen, Herr Manolow***“ — «Замечательно. Я **могла** бы сейчас же снова **подняться** с Вами в воздух, г-н Манолов» [41, с. 311] (выражение желания).

Проведенный анализ показал, что отдельные РА с футуральной направленностью имеют довольно сложную структуру и состоят из нескольких предложений или же представляют собой сложное предложение (например: **провозглашение запланированного действия, заговор, угроза, уговаривание, убеждение**).

Уговаривание: „*Willst du mir einreden, dass du das Geld für einen solchen Wagen beisammen hast?*“ — „***Mach** ein Angebot. **Sag** eine Summe. **Sag** einfach eine Summe. Ich **handle** nicht, ich **sag** ja oder nein, und dann ist das Geschäft perfekt*“ — «Ты хочешь мне внушить, что у тебя есть деньги на такой автомобиль?» — «**Сделай** предложение. **Назови** сумму. Просто **назови** сумму. Я **не буду торговаться**, я просто **скажу** “да” или “нет”, и это будет отличная сделка» [41, с. 231].

Угроза: „*Machen Sie mir die Papiere fertig. Wenn Sie nicht anders **wollen, lasse** ich mich **krankschreiben und verschwinde***“ — «Подготовьте мои документы. Если Вы не **хотите** по-другому, я **возьму** больничный и **исчезну**» [41, с. 216].

С другой стороны, высказывания о будущем довольно часто бывают объемными, вмещающая в себя несколько РА, дополняющих или обуславливающих друг друга. В качестве примера приведем высказывание о будущем, объединяющее в себе несколько РА и несколько средств выражения футуральности. Данное высказывание пожилой мужчина, повредивший во время полета ногу, адресует сопровождавшей его молодой девушке и ее парню. В нем имеют место такие РА, как **обещание, требование, поручение, отказ, просьба и предсказание**:

„...Was ein Mann ist, das zeigt sich erst in der Luft oder im Gebirge oder im Krieg. Mit dir **steige** ich noch mal **hoch**, Kleine, doch bis dahin **hast** du einen richtigen Kerl. So, und jetzt **müsst** ihr euch um den Ballon **kümmern**. Der Becker **soll** das Fuhrwerk **holen** und alles zu mir auf den Hof **schaffen**. Da **kann** er mich auch gleich **aufladen**, denn ins Krankenhaus **gehe** ich nicht. Nicht wegen eines einfachen Knochenbruchs. Und **sag** meiner Alten Bescheid, sie muss das Vieh füttern auf den Abend. In den nächsten Tagen **werde** ich nicht **viel Grünes machen**“ — «Настоящий ли мужчина — это видно только в воздухе, в горах или на войне. С тобой, малышка, я еще раз **поднимусь** в воздух, но сначала **найди** себе настоящего парня. Ну а сейчас вам **нужно позаботиться** о баллоне. Беккер **должен** пригнать повозку и **отвезти** все ко мне во двор. И меня он **пусть погрузит** туда же, так как в больницу я **не пойду**. Только не из-за простого перелома костей. И **сообщи** моей старухе, ей **придется накормить** скотину к вечеру. В ближайшие дни я **не буду легок на подъем**» [41, с. 312–313].

Семантика будущего может лежать в основе **РА вопроса**. Данный тип РА имеет два подтипа: 1) подтип «чистого» РА вопроса (встречается обычно в вопросительных предложениях с вопросительным словом); 2) подтип «гибридного»¹³ РА, например: **вопрос-просьба, вопрос-приглашение, вопрос-предложение, вопрос-угроза, вопрос-предположение, вопрос-сомнение, вопрос-надежда** и т. д. (чаще встречается в вопросительных предложениях без вопросительного слова).

Используя РА вопроса в так называемом чистом виде, говорящий преследует цель получить от слушающего некоторую недостающую информацию, касающуюся будущего действия:

„Wann hast du Feierabend?“ — «Когда ты заканчиваешь работу?» [41, с. 294].

Вместе с тем, формулируя вопрос, говорящий может также пытаться либо воздействовать на слушающего, побуждая его к определенным действиям/отказу от действий, — **вопрос-просьба, вопрос-приглашение, вопрос-предложение, вопрос-угроза** (соответствие III типу РА); либо он стремится выразить свое мнение о будущем, ожидая подтверждения или опровержения со стороны слушающего, — **вопрос-предположение, вопрос-сомнение, вопрос-надежда** (соответствие IV типу РА).

Вопрос-просьба: „**Gibst** du mir deine Adresse? Vielleicht besuche ich dich. Auf jeden Fall können wir uns Briefe schreiben“ — «Ты мне **дашь** свой адрес? Я, быть может, приеду к тебе в гости. В любом случае мы можем писать друг другу письма» [41, с. 314].

Вопрос-приглашение: „**Kommt** jemand mit auf den Markt?“ — „**Nein, keine Lust**“ — «**Пойдет** кто-нибудь со мной на рынок?» — «Нет, нету желания» [41, с. 176].

Вопрос-предположение: „**Ich sah Herrn Mostler ins Gesicht und erwiderte: ‘Da würden Sie wohl gern dabei sein?’**“ — «Я посмотрела г-ну Мостлеру в лицо и ответила: “**Вы бы**, наверное, с удовольствием **присутствовали** при этом?”» [41, с. 108].

Вопрос-сомнение: „**Und Sie wollen da wirklich einziehen? Es steht nun leer, weil die Decke einzustürzen droht**“ — «И Вы действительно **хотите** туда **въехать**? Оно [здание фабрики] теперь пустует, поскольку крыша в любой момент грозит обвалиться» [41, с. 54].

¹³ Подробнее о гибридных речевых актах см. [45, с. 377].

Часть языковых средств с футуральным значением участвует в **контактивных и метакоммуникативных РА**. К контактивным РА с использованием футуральных форм можно отнести, например, такие РА, как **приветствие, прощание, представление/знакомство, передача приветов**, а также **пожелания при поздравлениях**, являющиеся в большинстве случаев речевыми клише:

„*Als sie ging, rief ich ihr hinterher: ‘Und **grüß** deinen Bernhard **von mir**’*“ — «Когда она пошла, я крикнула ей вслед: “И **передай от меня привет** своему Бернару”» [41, с. 316].

„*Wir **sehen uns abends***.“ — „*Gut. **Bis heute Abend***“ — «Увидимся **вечером**». — «Хорошо. **До вечера**» [41, с. 61].

Метакоммуникативные РА в исследованном произведении были представлены главным образом предикатными (императивными) структурами, призванными привлечь внимание / поддержать интерес к основному РА высказывания:

„*Vergiss nicht, ich habe es schon erlebt. Ich weiß, wie es ist, ein Brand*“ — «Не **забывай**, я уже пережил это. Я знаю, что такое пожар» [41, с. 336].

„*Da haben wir Glück gehabt. **Stell dir vor**, der hätte beim Prozess unsere Namen nennen können!*“ — «Нам повезло. **Представь** себе, он ведь мог бы назвать на процессе наши имена!» [41, с. 186].

„*Überleg einmal, wenn du den Leuten Geld abknöpfst, obwohl du sie lediglich nach Berlin und zurück gefahren hast, das könnte sie ärgern*“ — «**Подумай** только, если ты выманишь у людей деньги и только прокатишь их до Берлина и обратно, это может их разозлить» [41, с. 245].

Контактивные и метакоммуникативные средства выполняют фатическую функцию, заключающуюся в «обслуживании» коммуникации, а именно в установлении, поддержании и завершении речевого контакта. Их темпоральные характеристики в этом случае затемняются, размываются, они не находятся в фокусе внимания коммуникантов.

Итак, РА, коррелирующие со сферой футуральности, представляют собой довольно многочисленную и гетерогенную группу. Систематизация данных РА приводит к их разбиению на пять основных видов — информирующие, побудительные, модально-оценочные, контактивные и метакоммуникативные. Первые три вида подлежат дальнейшей дифференциации. При этом следует учитывать не только характеристику речевого действия говорящего, но также степень участия говорящего и слушающего в осуществлении действия, степень контролируемости будущего действия со стороны говорящего и/или слушающего и некоторые другие условия коммуникативной ситуации.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Большой энциклопедический словарь. Языковедение. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 412–413.
2. Meibauer J. Pragmatik: eine Einführung. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2001. 208 S.
3. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
4. Vater H. Einführung in die Sprachwissenschaft. München: W. Fink Verlag, 1999. 296 S.
5. Hindelang G. Einführung in die Sprechakttheorie. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2010. 159 S.

6. Ehlich K. Funktionale Pragmatik — Terme, Themen und Methoden / L. Hoffmann (Hrsg.) Sprachwissenschaft. Ein Reader. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2010. S. 214–231.
7. Ehlich K. Sprache und sprachliches Handeln. Bd. 1. Pragmatik und Sprachtheorie. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2007. 492 S.
8. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
9. Busch A., Stenschke O. Germanistische Linguistik. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2008. 257 S.
10. Pelz H. Linguistik. Eine Einführung. Hamburg: Campe Verlag, 2007. 352 S.
11. Lühr R. Neuhochdeutsch. München: W. Fink Verlag, 2000. 338 S.
12. Smolinska M. Aussagen mit „werden“+Infinitiv als kommissive, direktive und repräsentativ Sprechakte / В. Mikolajczyk, М. Kotin (Hg.) // Terra grammatica. Ideen-Methoden-Modelle. Frankfurt a/M; Berlin; Bruxelles; New York; Oxford, Wien: Lang, 2008. S. 415–427.
13. Ehrhardt Cl., Heringer H.-J. Pragmatik. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 2011. 156 S.
14. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
15. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
16. Демьянков В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 223–234.
17. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos Verlag, 1991. 888 S.
18. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
19. Шур Г. С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 255 с.
20. Успенский Б. А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б. А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 9–49.
21. Bybee J. Morphology: a study of the relation between meaning and form // Typological studies in language. 1985. Vol. 9. P. 155–195.
22. Осипова О. А. К вопросу о типологии будущего в языках различных систем // Вопросы лингвистики. Томск, 1973. Вып. 3. С. 16–23.
23. Логунов Т. А. Аналитические формы будущего времени как лингвистический феномен (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук, Кемерово, 2007. 26 с.
24. Сабанеева М. К. О сущности наклонения // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 46–55.
25. Бондарко А. В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 12–28.
26. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Ч. 2: Морфологические значения. М.; Вена: Языки русской культуры, 1998. 544 с.
27. Плуменян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
28. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 456 с.
29. Бондарко А. В. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 72–79.
30. Князев Ю. П. Шкала реальности/ирреальности: наклонение, время и таксономические классы глаголов // Типология. Грамматика. Семантика (К 65-летию В. С. Храковского). СПб.: Наука, 1998. С. 209–215.
31. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
32. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
33. Сильницкий Г. Г. Функционально-коммуникативные типы наклонений и их темпоральные характеристики // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 90–110.
34. Fleischman S. The Future in Thought and Language. Diachronic evidence from Romance. Cambridge; London; New York: Cambridge Univ. Press, 1982. 218 p.
35. Comrie B. On identifying future tenses // W. Abraham, Th. Janssen (Hrsg.). Tempus — Aspekt — Modus. Tübingen: Niemeyer, 1989. P. 51–63.

36. Боднарук Е. В. Выражение футуральной семантики в газетном тексте // Выражение темпоральных и аспектуальных значений в немецком языке в разных стилях, жанрах и типах текста. Архангельск: Изд-во КИРА, 2013. С. 25–52.
37. Wolf W. Zur Semantik und Pragmatik des Futurs im heutigen Deutsch // Deutsche Sprache. 1975. № 1. S. 59–86.
38. Rosengren I. Die Einstellungsbekundung im Sprachsystem und in der Grammatik // G. Stickel (Hrsg.). Pragmatik in der Grammatik. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann-Bagel, 1984. S. 152–174.
39. Bündgen M. Zur pragmatischen Bedeutung der deutschen und französischen Futura // Nouveaux Cahiers d'allemand. 1996. № 14. S. 61–78.
40. Боднарук Е. В. Особенности семантики и употребления в немецкой диалогической речи футура I и презенса в значении будущего (на материале художественной литературы). М.; Архангельск: Изд-во Института Управления, 2008. 221 с.
41. Hein Ch. Die Landnahme. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 2005. 383 S.
42. Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. М.: Русский язык, 2001. 332 с.
43. Шатуновский И. Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 155–185.
44. Зализняк Анна А., Падучева Е. В. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 92–115.
45. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 349–383.

Статья поступила в редакцию 26 января 2015 г.

Контактная информация

Боднарук Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент; bodnaruk@rambler.ru
Bodnaruk Elena V. — Candidate of Philology, Associate Professor; bodnaruk@rambler.ru